

Этот переимчивый, чуткий к языку и стилю писатель опирается не раз и на Достоевского. Роман Лидина "Отступник" служит тому м.б. лучшим примером "Отступник" - повесть о студенте из за денег убившем профессора. В ней описана жизнь студентов послереволюционной Москвы, грязный разврат среди многих кружков послереволюционной молодежи, жизнь богемы и т.п.

Главный герой романа /повести/- Безсонов, совершив преступление, не выдерживает ужаса преследований, упреков совести и отдается в руки властей, воскресая в душе в новую жизнь. В описании его действий и переживаний не раз можно почувствовать манеру Достоевского. Он и соавтор его, Свербеев, вдвоем, представляют собой как бы расколовшийся на две части образ Раскольникова. И героини романа частью писаны тоже в манере Достоевского. Соне Достоевского /"Преступление и Наказание"/ соответствует Таня и Варенька Лидина. Кроме того ряд деталей, на первый взгляд не существенных, свидетельствуют в пользу того, что Лидин как бы пытался написать современное русское "Преступление и Наказание", но сделал главный упор на первом слове заглавия великого романа о смятенной и гордой душе. Фигура его героя не только проще, слабее и меньше, но благодаря расщепу д типа Раскольникова на два лица и бледна, а порой и как то мелка.

Приведем конкретный пример тех сходных деталей, с которых речь была выше. Такова ^{бегло}зачерченная фигура проститутки. Как не вспомнить классической традиции при описании /традиции кстати уже преодоленной Чеховым/ и особенно Достоевского, когда еще юному герою читает проститутка Евангелие от Иоанна! Это такая деталь, мимо коей трудно пройти. Наконец, разговоры в распивочной и убеждения Карповым Безсонова в праве на преступление, глубинные основы, причины возрождения героя - отчужденность от людей - все это, из школы Достоевского. Да и сама фамилия Раскольникова как героя "Преступления и Наказания" упомянута у Лидина не раз

Можно *ad infinitum* множить примеры, указывающие на то, или иное влияние классической литературы на новейшую, отмечать глубокую зависимость всех новейших течений от старого, от той прозы и поэзии, что ~~из~~

создала славу русской литературы во все мире, но это не входит в нашу скромную задачу. Позволим себе указать в заключение лишь на Гоголевское влияние.

Гоголь жив в бесчисленных произведениях литературы последних лет. Вновь встают уснувшие тени провинциальных чиновников, вновь мудрствуют Кифы Мокиевичи и Мокии Кифовичи; опять плачутся писатели в тоне Гоголя на скуку и серость жизни и воспевают в лирических отступлениях красоту, размах и удачу великой и печальной России. Жив Гоголь и в произведениях автора "Рассказов ~~князя~~ Назара Ильича Синябрюхова. Я и остановлюсь бегло на одном-двух произведениях популярного и талантливом рассказчика Михаила Михайловича Зощенко, типичного представителя "Сергионовых Братьев". Выступил по настоящему в печати лишь в 1921 г.

Зощенко юморист, рассказчик, часто пользующийся в своих произведениях приемом с к а з а. Смех его, порой, беззлобный и чуть-чуть грустный, переходит в некоторых произведениях в острую скорбь и злобу. Такие рассказы, как, напр., "Люди"^{х/} достойны встать рядом с Чеховской "Палатой № 6" по глубине реализма и острой жуте разворачивающихся картин. Зощенко новой жизни не принимает, он отравлен трагедией миллионов людей еще больше, чем немецкими газами, да и личная жизнь у него, видимо, весьма тяжела; бедность жите сквозит во многих замечаниях рассказчика. Эта ущербность жизненного чувства, и вместе комический и сатирический талант притягивают Зощенко то к Гоголю, то к Чехову, то к Лескову. В сказе Зощенко больше всего отразилось влияние Лескова, в смысле фабулы, на форме маленького рассказа, в тяготении к малой форме, в натурализме - Чехов; Наконец, в голосе автора и в ряде словечек откликнулся Гоголь.

Предисловие к рассказу "Страшная ночь" дышит Гоголевской манерой, "Гоголевские словечки" перебивают речь автора. Зощенко жалуется на публику, что она де не читает отечественной литературы, а увлекается иноземными романами приключений: публике нужен "стремительный полет фантазии, а дакий сюжет, черт его знает какой.

*) См. "Вечер пел соловей" № 1927.

А где же все это взять?

Где взять этот стремительный полет фантазии, если Российская действительность не такая?.. Ох уважаемый читатель! Беда как плохо быть русским писателем... А, что поделывать? жизнь такая смешная. Скучно как то существовать на земле... Ох, скучно как!" и т.д.

В другом рассказе у Зощенко "Соловей" поет о прекрасной жизни через триста лет и автор пародируя Чехова ^{хх/} восклицает: "Да, читатель, скорей бы, как сон, прошли эти триста лет, а там заживе^т!" Грусть о тине житейских мелочей, порыв к свету и обычно разбитие иллюзий жизнью - вот тема, серьезных по заданию, произведений Зощенко и в них мелькает то лик Чехова, то тень Гоголевской шинели, то "заковычное словцо" Лескова.

Мы пришли к концу нашей скромной заметки и хочется еще раз высказать ее основную идею. Вне прочной связи старого с новым нет жизни, вне любви к свободному творчеству, вне правды нет литературы, ибо хотя правд много, но у каждого писателя есть и может быть только одна собственная правда. Нет литературы пролетарской, ибо литература, вбирая в себя классовые различия стоит над ними; нет литературы буржуазной, а есть, была и будет литература русская, английская, немецкая, французская и т.д. Тенденции литературы, ее боги меняются, но сущность пребывает. Следует вспомнить слова, написанные Л. Троцким лет восемь тому назад: "В сфере искусства пролетариат не создал еще культурной среды", а как утверждают советские ученые лингвисты, не создал ничего нового и в области языка. И не потому, что пролетариат творчески бессилён; а потому, что создание искусства требует совместной работы всех слоев, столетней традиции, и наконец, потому, что нет искусства, истинного искусства - классового и партийного. Будем помнить слова того же Троцкого - "Корявое искусство не есть искусство".

В советской России несколько лет тому назад были брошены в "Красной Нови" крылатые слова: "Двенадцатый час наших бесчинств пробил"; им в ответ прозвенели слова советского же поэта:

х/См. "О чем пел Соловей", Изд. 1927 г.

хх/Ср. у Гоголя знаменитое восклицание в миргородских повестях: "скучно на этом свете, господа!"
хх: "Дядя Ваня".

"Как хорошо расстаться с ночью,
И не успев ее забыть,
Еще мутясь от сонных ключьев
Вдруг утро Пушкиным открыть".

Др. Ростислав Плетнев

П р а г а IX.1931 г.